

Навстречу песне

Сегодня в Москве праздник! Сегодня открывается XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Международное фестивальное движение — это теплое течение человечества — возникло в 1947 году, когда в Праге собрался первый из фестивалей. Я считаю, что мне крупно повезло, потому что мне довелось участвовать в этом движении с самого начала.

Помню всякую малость — И улыбки и песни.

Жизнь моя поднималась С фестивалями вместе.

Правда, сам я на первом фестивале в Праге не был, но там была наша с Анатолием Новиковым песня, которую Международное жюри избрало тогда песней фестиваля, а через год конгресс ВФДМ объявил ее Гимном демократической молодежи мира.

На втором фестивале в 1949 году я уже был и, потрясенный встречей сразу с восемьюдесятью странами, написал книгу стихов, названную по первой строчке гимна «Дети разных народов». Это была моя вторая книга, она вышла в 1950 году в издательстве «Молодая гвардия». Потом я был на большин-

стве фестивалей, и всюду — в Берлине и Вене, в Хельсинки и Москве, в Софии и снова в Берлине, в залах и на площадях, на общих концертах и на встречах делегаций друг с другом — звучал гимн. С гимном связано у меня и самое сильное переживание, которое может выпасть на долю поэта или композитора, написавших песню. Вот иногда говорят, что ту или иную песню поют миллионы. Где-то какие-то неконкретные миллионы. А в 1951 году на заключительном митинге берлинского фестиваля на площади Маркса—Энгельса, на Унтерден-Линден и других прилегающих улицах стоял, по подсчетам наших немецких друзей, ровно миллион человек, и, когда закончился митинг, весь этот миллион чуть не на всех языках мира запел нашу песню. В разноцветных одеждах, подсвеченных юпитерами, прожекторами, факелами, люди вскинули вверх руки, сплели их и в такт песне как бы раскатывали площадь. Я сбежал с трибуны, застрял на ступеньках лестницы, ведущей на площадь, трудно передать то удивительное ощущение, которое владело мною тогда, но песня уже была настолько не

моя, что кинорежиссер Иван Пырьев, пробежав мимо, саданул меня локтем в живот и гаркнул: — Чего мешаешь! Не видишь — гимн снимаю.

Со времени написания гимна прошло тридцать восемь лет. Я уже настолько отстранился от него, что могу говорить, вероятно, объективно. Я слышал его и сам пел, несмотря на безгололье, не меньше тысячи раз. Я не раз видел, как два человека в чужой стране, не зная языков друг друга, не могли объяснить, и вдруг один запевал гимн, второй подхватывал, и становилось ясно, что они единомышленники. Гимн стал паролем дружбы и братства, паролем служения миру. Ему повезло. Из поколения в поколение, из уст в уста его передают друг другу люди вот уже почти четыре десятилетия.

На фестивалях молодежи всегда было много ярких замечательных людей, писателей, поэтов, художников, артистов. Тогда в Берлине я подружился с удивительным турецким поэтом Назымом Хикметом, который был моим другом до самой смерти. Там же я встретился с Анной Зегерс. Там же мы дружились с болгарским поэтом и

сегодняшним редактором «Факела» Божидаром Божиловым. В Берлине же я впервые встретился с великим чилийцем Пабло Нерудой, и он стал моим названным братом. У нас с Пабло не было общего языка: он говорил по-испански и по-французски, я — по-русски и чуть-чуть по-немецки. Но мы хорошо понимали друг друга.

Возвращаясь к прошлому, я вижу, что фестиваль всегда был барометром мира. Наряду с ощущением радости встречи, с перекличкой улыбок и песен фестиваль всегда во весь голос ставил самые жгучие вопросы международного бытия. Я встречал там молодых людей, с трудом, безымянно прорвавшихся сквозь полицейские кордоны своих стран, затоптанных колонизаторами. На фестивалях отражались все этапы борьбы народов за освобождение. Выплескивалась вся накопленная горечь бесправия.

Каждый раз на фестивале приезжали люди из самых горячих точек земного шара. То шла захватническая подлая война во Вьетнаме, то горела земля ни в чем не повинной Кореи. То появились со скал Граммоса греческие партизаны.

Незнакомые люди находили общий язык друг с другом. Люди, занятые только собой, начинали задумываться о большом мире.

Но в мире уже тогда действовали антифестивальные силы. Разве забыть нам, очевидцам, как обер-бургмистр Западного Берлина пригласил по радио участников фестиваля «для свободной дискуссии», а когда 15 августа 1951 года группа членов Союза свободной немецкой молодежи двинулась в Западный Берлин, ее встретили фашиствующие молодчики резиновыми дубинками, автоматами и пулеметами.

Тогда Гарри Трумэн развязал холодную войну.

Потом была разрядка, свою роль сыграли в ней и всемирные фестивали молодежи. А они так и шли, один за другим, стали уже традицией — Будапешт, Варшава, Москва...

Многие помнят, какой был в 1957 году замечательный праздник в Москве — шестой Всемирный.

А седьмой фестиваль перешагнул границы социалистического лагеря. Вена 1959-го...